

«Не бриллианты, конечно, но для меня дороже!»

Три источника и три составных части «Современника» (с Евгением Евстигнеевым и Лилией Толмачевой)

«Нос холодный, пульс нормальный»

Толмачева из Моссовета — сделали свой первый спектакль «Вечно живые», он вышел в 56-м году. Я была совершенно потрясена и попросилась в этот театр.

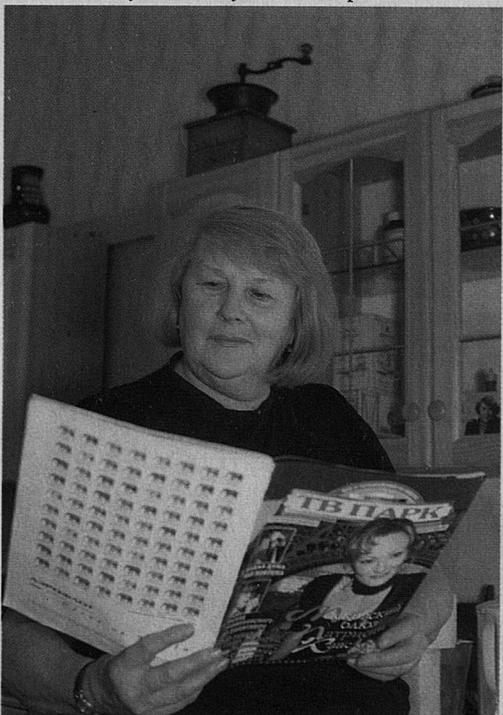
— И в результате почти вся ваша театральная биография оказалась связанной с «Современником»...

— Да, сорок лет... И я это обязательно отпраздную! Но поначалу я трудно притиралась. Мне дали маленькую роль в «Поисках радости». Потом — «Матросская тишина» Александра Галича. У меня там была совершенно изумительная роль, наверное, самая моя любимая, потому что она была лирическая: героиня — смешная поэтесса, которая писала стихи о любви и сама была влюблена. Но пьесу запретили. Потом я играла почти во всех ефремовских первых спектаклях, в пьесах Володина и Розова. Большое счастье быть в начале дела, тем более такого. Ефремов возродил реализм, но на каком-то новом витке. Нас упрекали в «шпештальном реализме», а мы учились ИГРАТЬ.

— Как начался ваш «служебный роман» с Эльдаром Рязановым?

— Очень хотела к нему попасть еще в «Зигзаг удачи». Но меня к нему даже не подпустили. А позже Эльдару Александровичу понравилась моя работа в фильме «Помни имя свое», и он пригласил меня в «Служебный роман». У нас получились пробы «дуэтом». Моему младшему сыну было тогда уже лет пять-шесть, и он тоже вместе со мной пробовался на одного из «сыновей» Мягкова. И они сразу с Рязановым не по-

«Вечно натищут что-нибудь — не оторвешься!»

нравились друг другу. Рязанов стал спрашивать у Саши его отчество, а мой ребенок никогда с этим не сталкивался. Он так разволновался, что потом ничего не смог прочесть. Когда мы с ним вышли на улицу, он вдруг сказал: «Мама, ты извини, но я ничего не мог сделать. У меня сердце дрожит в горле. Тебя, что, тоже теперь не возьмут?».

Но я никогда не играла главных ролей. Были большие, хорошие роли, но не самые главные. Во всех фильмах Анатолия Эйрамджана у меня есть небольшая роль. Героиню зовут Клавдия Матвеевна, и она всегда всех хочет сосватать. Я и в жизни всех сватаю, потому что считаю, что если человек не женат, то это как-то неправильно. Семья — самое важное. А теперь люди как-то самодостаточны. Женщины хотят замуж за очень богатых, а не все мужчины могут соответствовать таким запросам.

— Вы помните свою первую любовь?

— В старшем классе сразу трое мальчишек были в меня влюблены, а я их совершенно презирала. Во-первых, они учились хуже меня. Я была первая по математике и раньше всех решала задачки. И тем не менее во всех играх меня выбирали. Кто-то называл меня Сильвой, а кто-то — Василисой Прекрасной, у меня были длинные косы. Но я отчаянно дралась, потому что в эвакуации меня, да и вообще всех чужих, очень били. Это было под Челябинском, в городе Миасс, русском «клондайке». В Москву я вернулась зверьком: когда кто-то из мальчишек подходил ко мне, я сразу пенал хватала. И меня боялись. И были влюблены. А мне нравился хулиган, который был грозой всей округи.

— Вы коренная москвичка, и за исключением времени, проведенного в эвакуации, все ваше детство прошло здесь, в Москве...

— До тридцати двух лет я жила у Рижского вокзала. Мама, я и мой старший сын Иван — все родились в одном родильном доме на Третьей Мещанской. Теперь его уже нет. У меня была очень хорошая семья, со своими

традициями. Папа — профессор. Мама сначала работала, потом решила, что нужно меня воспитывать. И вся неделя была расписана по часам. Музыкальная школа, балет, хор в Доме ученых, группа ритмики и т. д. И я всю жизнь этим багажом пользуюсь. Ко мне сейчас приходят студенты, молодые артисты, которые ничего не знают, не умеют. Нет семейных традиций. Бог даст, я смогу им помочь.

— Вы религиозный человек?

— Я не религиозный, я верующий человек — это совсем другое. Я православная, как все русские люди, но не до безумия. Просто стараюсь жить по христианским законам.

— Это тоже семейная традиция?

— Да, у меня дедушка был очень верующим. В девять лет я сама попросила меня окрестить. Папа тоже был человеком высокой духовности. Он преподавал в Институте имени Крупской, и студенты его обожали. Он разрешал им тайно пересдавать экзамен. У нас до сих пор хранятся всякие вещицы с дарственными надписями

«Только говорить не умеет...»

